

ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ ПОЛИТИКИ: ИЗМЕНЕНИЕ МИРОВОЙ КОНФИГУРАЦИИ

.....

Овчарова О. Г.

Овчарова Ольга Геннадиевна,
Российская государственная специализированная академия искусств,
121165, Россия, г. Москва, Резервный проезд, д. 12.
Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Россия, г. Москва, Миусская пл. 6, корп. 5.
Эл. почта: ovcharovao@ya.ru

Исследуется феномен гендерной асимметрии политики в мировом масштабе. Определяется методологическое значение различных смыслов дефиниции «гендерная асимметрия»: асимметрия как неравномерное количество мужчин и женщин в сфере принятия политических решений; асимметрия как разница институциональных возможностей, способствующих продвижению мужчин и женщин в политику; асимметрия как неравная оценка значения итогов политической деятельности мужчин и женщин, основанная на традициях. Доказывается, что резкое увеличение количества женщин в парламентах ряда стран мира, обусловленное реализацией мер позитивной дискриминации, не является однозначным свидетельством реального влияния женщин на политические процессы и повышением уровня демократизации в стране. Вместе с тем показывается (на основе результатов мировых рейтингов — IPU, GGG, GII), что количественные показатели гендерной асимметрии политики влияют на политическую оценку страны, не всегда объективную.

Ключевые слова: гендерная асимметрия политики, политическое представительство женщин в парламентах стран мира, традиционные гендерные нормы.

Одна из ключевых характеристик демократического развития XX в. — обретение женщинами в большинстве стран мира права на участие в политической жизни. Получение женщинами гражданских прав подразумевает гендерные различия политической деятельности и влияние этих различий на итог взаимодействия субъектов политики. Очевидно, что при этом появляется необходимость приспособления политических практик к новым стандартам политического участия, значение которых обязана интерпретировать сфера интеллектуального осмысления политики. Тем не менее любая попытка оценить степень влияния женского участия на динамику современных политических процессов заставляет исследователя обращать внимание на специфику предмета изучения — гендерную асимметрию, свидетельствующую о том, что основной критерий гендерного измерения и изучения политики в XXI в. — противоречие между декларативным и фактическим равноправием.

Означенная ситуация и в западной, и в отечественной политологии определяется терминами неравенства. А. Лейпхарт дает женщинам характеристику «меньшинства в политическом, а не в количественном смысле» (Лейпхарт, 1995), а Р. Чилкот — «дискриминируемых меньшинств» (Чилкот, 2001). Фактором «исключения женщин из политической жизни», по мнению Р. Даля, становится «лишь то, что — это женщины» (Даль, 2000). Е. Б. Шестопал называет женщину в политике «неординарным случаем» (Шестопал, 2000). О гендерной асимметрии мировой политики говорит Дж. Энн Тикнер: «...непропорционально малое число женщин на элитных постах формирования... политики в большинстве обществ... Международные отношения и ...политика — арены, где господствуют мужчины» (Тикнер, 2006). Таким образом, политика как в измерении отдельного государства, так и в мире остается традиционной сферой мужского господства, в которой сформировано мнение о том, что женщины могут рассчитывать на реализацию своих амбиций в этой области лишь в последнюю очередь.

Тем не менее в последнее десятилетие можно наблюдать определенные изменения в мировой конфигурации представленности женщин в политике. А именно, некоторые мировые регионы демонстрируют увеличение количества женщин в органах власти. При этом характерно, что культура этих регионов и государств, их составляющих, традиционно не представлялась как гендерно ориентированная, движение за права женщин практически отсутствовало, а сами женщины не считают свое политическое продвижение долгожданным «прорывом».

И, напротив, в регионах, где длительный период времени вопросы гендерного равенства поднимаются на самых высоких уровнях, значительного выравнивания гендерной асимметрии не наблюдается. Иными словами, в настоящее время можно отметить мировые тенденции смещения первенства в политической представленности женщин от европейских стран к таким регионам, как: Африка южнее Сахары, Латинская Америка.

В связи со сказанным возникает ряд вопросов, которые и станут предметом анализа в настоящей статье. Каковы причины изменения мировой конфигурации политической представленности женщин в различных странах мира? Оказывают ли женщины, в лидирующих по их политической представленности странах, реальное влияние на политические процессы или же их пребывание в эшелонах власти более формально? Можно ли говорить о корреляциях между сокращением гендерной асимметрии и повышением уровня демократизации общества в той или иной стране?

Определим методологическое значение понятия «гендерная асимметрия», выступающее ключевым в нашей работе, и с обозначенных стратегий исследования перейдем к решению поставленных вопросов.

Гендерная асимметрия — характеристика неравенства социально-политических позиций и статусов мужчин и женщин в политической сфере. Дефиниция

представляет комплекс смысловых значений: асимметрия как неравномерное количество мужчин и женщин в сфере принятия политических решений; асимметрия как разница институциональных возможностей, способствующих продвижению мужчин и женщин в политику; асимметрия как неравная оценка значения итогов политической деятельности мужчин и женщин, основанная на традициях (Айвазова, 1998; Овчарова, 2008).

При этом смысл первой интерпретации понятия «гендерная асимметрия» имеет исключительно констатирующий характер. Причины же возникновения самой социально-политической ситуации неравенства раскрываются через два последующих определения, закономерно связанных друг с другом. Очевидно, что состояние гендерного диспаритета иллюстрирует слабость воздействия формальных институтов (прежде всего, правовых норм обеспечения гендерного равенства) на структурирование гендерного баланса в политике и позволяет определять в качестве истоков неблагоприятных условий для реализации политического потенциала женщин неформальные институциональные правила традиционной гендерной системы, замещающие в практическом исполнении значение формальных норм равноправия. Иными словами, законам, официально декларирующим максимы гендерного равенства, государство и граждане предпочитают «законы неписанные», базирующиеся на традиционном образе жизни — эффективном способе передачи из поколения в поколение правил обычного права.

В таком контексте причины стабильности социальной поддержки неформальных институциональных ограничений гендерного равенства могут объясняться, прежде всего, двумя факторами. Во-первых, историческим развитием общества, в ходе которого повсеместно формировалась система гендерных отношений. Согласно ее формату — «мужское-женское / общественное-частное / доминирование-подчинение», политика является сугубо элитарной мужской деятельностью. Гендерные нормы легитимности такой дихотомии, входящие в гендерную систему как один из ее элементов, выступали и выступают и сейчас механизмом, перманентно возобновляющим действие системы. Во-вторых, гендерная асимметрия обуславливается исторической памятью общества, воспроизводящей постулаты гендерных норм прошлого в настоящем. Поскольку историческая память достаточно устойчива, ее можно рассматривать как социальную детерминанту воспроизводства гендерной асимметрии, на основе которой действует обычное право, блокируя действие официального (Овчарова, 2011; Репина, 2003). То есть в результате культурной блокировки снижена ориентация женщин на активное политическое участие, а те, кто пытается реализовать свой социальный, интеллектуальный и трудовой потенциал во власти, часто проигрывают в силу присутствия там «символического насилия» (по П. Бурдье).

Таким образом, несмотря на то, что скоро многие страны будут отмечать столетний юбилей обретения женщинами гражданских прав и свобод, гендер-

ная асимметрия политики сохраняется. По словам Э. Гидденса: «Хотя роли, которые играют в различных культурах женщины и мужчины, могут существенным образом различаться, до сих пор не обнаружено такое общество, в котором женщины обладали бы большей властью, чем мужчины. Повсеместно первоочередной задачей, стоящей перед женщиной, является воспитание детей и ведение домашнего хозяйства, тогда как политическая и военная деятельность остается, как правило, прерогативой мужчины» (Гидденс, 1999). Та же логика присутствует и в оценках политических деятелей. Перед открытием 60-й сессии Комиссии ООН по положению женщин, состоявшейся в марте 2016 г. в Нью-Йорке, помощник Генерального секретаря по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин Пумзиле Мламбо-Нгкука, заявила: «Ни одна страна в мире, даже из числа промышленно развитых, не достигла полного гендерного равенства. Это свидетельствует об универсальности проблем, с которыми мы сталкиваемся, продвигая равенство полов» (14 марта открывается...).

Итак, в чем же выражаются мировые тенденции трансформации гендерной асимметрии в настоящее время?

Прежде всего, в изменении конфигурации лидирующих, по представленности женщин в национальных парламентах¹, стран. Данные международной организации, координирующей действия парламентов мира, Межпарламентского союза (IPU) свидетельствуют о том, что первые десять мест в мировой классификации представленности женщин в нижних палатах парламента государства на 1 февраля 2016 г. занимают 8 африканских и латиноамериканских стран и 2 страны Северной Европы. К ним относятся: Руанда (63,8%), Боливия (53,1%), Куба (48,9%), Сейшелы (43,8%), Швеция (43,6%), Сенегал (42,7%), Мексика (42,7%), ЮАР (42%), Эквадор (41,6%), Финляндия (41,5%) (Women in National Parliaments). Для сравнения приведем данные 10-летней давности, также представленные Межпарламентским союзом. Конфигурация стран-лидеров на 28 февраля 2016 г. была следующей: Руанда (48,8%), Швеция (45,3%), Норвегия (37,9%), Финляндия (37,5%), Дания (36,9%), Нидерланды (36,7%), Куба (36%), Испания (36%), Коста Рика (35,1%), Аргентина (35%), Мозамбик (34,8%) (Women in National Parliaments).

Таким образом, цифры свидетельствуют о положительной динамике по преодолению гендерной асимметрии в регионах, некогда бывшими аутсайдерами по самым разным социально-политическим показателям, в том числе и по уровню

¹ Поскольку не во всех государствах парламент двухпалатный, обратимся к данным по представленности женщин в нижних палатах, что позволит унифицировать результаты. Также важно понимать, что основные мировые рейтинги включают именно показатель представленности по нижней палате, по причине чего анализ в статье строится на данных именно Межпарламентского союза.

Отметим, что Межпарламентский союз рейтингует 191 страну. В 5 из них женщины во власти отсутствуют, а в 2 представлены только в верхних палатах парламента и имеют при этом минимальные показатели.

равноправия полов. И эта же динамика показывает, как стремительно вытесняются с первых мест политической представленности женщины стран Северной Европы, и прежде всего Скандинавских стран — образцов последовательной и уверенной реализации политики гендерного равенства, проводившейся на почве культурно-исторических традиций приверженности граждан ценностям социального равноправия, достигшие в результате этого высокого социального положения женщин и наивысшего уровня в показателях семейной политики (Лейпхарт, 1995).

Однако могут ли приведенные цифры / количественные показатели гендерной асимметрии нивелировать социальные успехи скандинавских стран или же, к примеру, западноевропейских стран, также имеющих опыт строительства гендерно ориентированных государств. И, напротив, утверждать, что увеличение женщин в североафриканских и латиноамериканских парламентах выступит однозначным залогом влияния женщин на политические процессы.

Количественное увеличение женщин в парламенте перечисленных стран происходило посредством мер позитивной дискриминации. В 1990-е гг. в ряде стран Латинской Америки были приняты законы, регулирующие политическое участие женщин, а именно, введена система квот женского представительства на выборных должностях. Также в 1990-х гг., точнее в 1997 г., южноафриканские государства, входящие в Сообщество развития Юга Африки (САДК), приняли декларацию, в которой была поставлена цель установить в странах — членах этой организации представительство женщин на руководящих должностях на уровне 30% (Прокопенко, 2013). И в Латинской Америке, и в африканском регионе эти действия происходили согласно рекомендациям Комиссии ООН по улучшению положения женщин. Последнее, в свою очередь, способствовало развитию в этих странах демократических институтов, ранее отсутствующих, а теперь приближающих страны второго и третьего регионов модернизации к странам старой демократии. Это отчетливо видно на примере Руанды — «земли тысячи холмов», которая восстанавливается после последствий геноцида и пытается завоевать позитивную оценку со стороны мирового сообщества.

Очевидно, что за столь короткий период у женщин нет возможности накопить достаточный потенциал для эффективного управления. Кроме того, отмена квот (а как показывает мировой опыт, такие процессы нельзя исключать) в состоянии разрушить весь гендерный баланс. К примеру, в постсоветской России после отмены квотирования представительство женщин резко снизилось и в настоящее время наша страна при наличии 13,6% женщин в Государственной Думе находится на 131-м месте в рейтинге Межпарламентского союза (Women in National Parliaments). Тем более, что были подобные прецеденты и в исследуемых нами регионах. В 1998 г. меры позитивной дискриминации были утверждены в Венесуэле, но в 2000 г. отменены правительством У. Чавеса как антиконституционные. В Колумбии закон о квотах появился в 1999 г., в 2001 г.

отменен, но в 2002 г. все же была установлена 30% квота женского представительства в органах власти, которая на практике не применялась. Более того, эффект квотирования различен в разных странах. К примеру, после двадцати лет принятия закона о квотах (в 2010-х гг.) в Бразилии, Колумбии и Парагвае он был и остается пустой формальностью, а в Аргентине он работает с большой отдачей (Яковлева, 2011). Аналогичная ситуация и в Южной Африке. По данным САДК, несмотря на их рекомендации как крупнейшего и влиятельного субрегионального объединения, в ряде стран число женщин-парламентариев остается низким: в Замбии, Ботсване (SADC).

Также следует обратить внимание на тот факт, что, несмотря на процесс феминизации политики, в странах — лидерах количественных показателей гендерного равенства во власти продолжает развитие процесс феминизации бедности. Так, даже в обладающей экономическим потенциалом ЮАР — страны — члена БРИКС, женщины составляют подавляющее большинство среди безработных и беднейших групп населения. Исследователи предполагают, что социально ориентированные решения женщин-политиков в состоянии блокироваться в силу невозможности их экономической поддержки и нерентабельности. А «в экономике женщины занимают только 25% должностных позиций (23% белые, 9% цветные, 5% индианки). Доля женщин, занимающих главные должности в профсоюзах, также очень низка» (Баллаева, 2008).

Проследим, как влияют показатели не только политики, но и экономики, а также иные факторы на оценку той или иной страны в международном масштабе. Обратимся к цифрам индекса глобального гендерного разрыва (GGG) по версии Всемирного экономического форума. Напомним, ВЭФ формирует обозначенные показатели с 2006 г., ежегодно увеличивая количество стран, участвующих в рейтинге. В 2015 г. число стран, для которых рассчитывается индекс, увеличилось со 142 до 145. Индекс гендерного разрыва представляет собой «основу для измерения величины и объема гендерных различий и отслеживания их прогресса». Разрыв между показателями мужчин и женщин рассматривается в четырех категориях, или субиндексах: 1) экономическое участие и возможности; 2) полученное образование; 3) здоровье и выживаемость; 4) политические права и возможности (The Global Gender Gap Index). Индекс колеблется от нуля (что означает полное гендерное неравенство) до единицы (что означает полное гендерное равенство).

Согласно индексу, лидером в 2015 г. стала Исландия с общим показателем по всем субиндексам 0,88. Затем расположились Норвегия (0,85), Финляндия (0,85), Швеция (0,82), Ирландия (0,80). Шестое место занимает Руанда (0,79), несмотря на 14-е место по субиндексу экономического участия (0,80), 112-е место (0,94) по образованию и 91-е место (0,97) по здоровью и выживаемости. Место Руанды в лидирующей десятке обеспечивает 6-е место (0,474) в категории политические права и возможности. Также лидирует Руанда и в региональном рейтинге стран

Африки южнее Сахары. ЮАР занимает 17-е место (0,75) и лидирует среди стран БРИКС. Заметим, что Россия в 2015 г. осталась на 75-й (0,69) строчке рейтинга. В РФ лучше всего складывается ситуация с равенством в сфере образования — 27-е место (1), далее следуют здоровье (0,97) и экономика (0,73) — 42-е место в обоих случаях. Но гендерная асимметрия политики обеспечивает России падение на более низкое место по субиндексу политических прав и возможностей по сравнению с 2014 г.: со 125-го места на 128-е (0,66). Среди латиноамериканских стран лидирует Никарагуа — 12-е место (0,77). Куба, занимающая 3-е место в рейтинге Межпарламентского союза, в данном рейтинге удостоилась 29-го места (0,74) (The Global Gender Gap Index).

Таким образом, на примере глобального гендерного разрыва очевидно влияние количественных показателей гендерной асимметрии / гендерного равенства в политике. Формальные, констатирующие цифры могут выступить критерием социально-политической стабильности государства, если не учитываются причины и факторы, эти цифры обуславливающие.

Конфигурация стран мира вне определяющего значения показателей политической представленности женщин, по всей вероятности, будет выглядеть иным образом. А каким, позволят увидеть цифры индекса гендерного неравенства (Gender Inequality Index — GII), публикуемые Программой развития ООН. Этот рейтинг рассматривает гендерное неравенство в трех основных областях: 1) репродуктивное здоровье; 2) расширение прав и возможностей; 3) экономическая активность. Также выделяются специальные категории: 1) коэффициент материнской смертности; 2) коэффициент подростковой рождаемости; 3) места в национальном парламенте; 4) процент населения, имеющего как минимум среднее образование (доля женщин и мужчин); 5) процент рабочей силы (доля женщин и мужчин) (Gender Inequality Index).

Согласно индексу гендерного неравенства-2015 к странам с очень высоким уровнем развития человеческого потенциала и гендерного равенства относятся (находятся в первой десятке): Норвегия, Австралия, Швейцария, Дания, Нидерланды, Германия, Ирландия, США, Канада, Новая Зеландия. В этой же зоне можно наблюдать и такие латиноамериканские страны, как Аргентина (40-е место) и Чили (42-е место). Российская Федерация разделяет с Белоруссией 50-е место и находится в зоне стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала и гендерного равенства.

ЮАР занимает 116-е место в группе стран со средним уровнем развития человеческого потенциала и гендерного равенства, Руанда — 163-е место и присутствует среди стран с низким уровнем развития человеческого потенциала и гендерного равенства.

Наш анализ был бы неполным, если бы мы не остановились еще на одном аспекте, обеспечивающем выравнивание гендерной асимметрии политики, а именно, на наличии женщин, глав государств и правительств. В настоящее

время из 251 страны только в 21 женщины — национальные лидеры, двое из которых представляют латиноамериканский регион и чья деятельность широко известна за пределами своих государств. Это Президент Чили Мишель Бачелет и Президент Бразилии Дилма Русеф. Исследователи характеризуют их как лидеров нового типа (Яковлева, 2011), попадание которых на должности не было обусловлено существующей в их регионе системой неформальных отношений в политике (родственные, этнические и клановые связи), облегчающие женщинам реализацию на политическом поприще. Эти традиции тормозят и реализацию законов о квотах для женщин в Латинской Америке. «Один из их аргументов состоит в том, что этим законом часто пользовались мужчины, занимавшие различные руководящие посты, для предоставления мест в органах управления женам, сестрам и т.д. в целях поддержки своей политики» (Яковлева, 2011). Ярким примером служит фигура бывшего Президента Аргентины К. Фернандес де Киршнер, избранной по желанию и при помощи мужа-президента. Из более ранней истории Аргентины известен феномен Эвы Перон, при всей противоречивости оценки деятельности которой нельзя отрицать ее роль в формировании гендерно ориентированных настроений в обществе и возрастание значения политической деятельности женщин.

В южноафриканских странах также во главе государств находятся две женщины. Президент Либерии Э. Джонсон-Серлиф (избрана в 2006 г.) стала первой в истории Африки женщиной-президентом. Саара Куугонгельва-Амадхила — премьер-министр Намибии. Данные факты в состоянии стать истоком социального привыкания к «естественности» женского правительства в регионе.

Обратим внимание, что эффективная политическая деятельность женщин — национальных лидеров выступает оценкой их мирового влияния. Так, в первую десятку рейтинга самых влиятельных женщин мира в 2015 г., по версии *Forbes*, вошли Ангела Меркель (1-е место) и Президент Бразилии Дилма Русеф (7-е место) (Ховард, 2015). А. Меркель занимает это почетное место уже 10-й раз и на ее политический вес влияют не только ее политические заслуги, но и статус самого государства, ею возглавляемого. Подтверждением данного аргумента может стать тот факт, что Х. Клинтон (2-е место в списке *Forbes*) заняла лидирующие позиции в рейтинге после своего заявления о намерениях участвовать в президентских выборах США в 2016 г. А в современных условиях мирового политического и экономического кризиса к внутриамериканскому процессу приковано внимание мирового сообщества, ожидающего поворотов к стабильности в мировом порядке. Оценка же деятельности Д. Русеф, напротив, увеличивает не только вес женской политики, но и лишний раз заставляет обратить внимание на само государство.

Подведем итоги. В настоящее время лидерами в области гендерного равенства в политике выступают государства, ранее не являющиеся гендерно ориентированными. Однако однозначно коррелировать количественные показатели

изменения мировой конфигурации гендерной асимметрии политики с увеличением степени влияния женщин на политический процесс в своих регионах и возрастанием в них же демократизации нельзя. Если только эти корреляции ангажированы или не отрефлексированы. Политические институты, в которые при помощи формальных норм встраиваются женщины, в данных странах пока только накапливают опыт своей работы, и новое политическое творчество будет определяться не только и не столько гендерной составляющей, сколько необходимой государству стратегией развития (разрабатываемой, однако, политическими лидерами — мужчинами). А отвлечение от «гендерного взгляда» на политику позволяет утверждать, вслед за Р. Саквой, что демократические преимущества получают все же страны с богатейшим политическим опытом, «политические лаборатории», где «рождались основные политические идеи, проводились наиболее значимые эксперименты» (Дуткевич, Саква, 2014). В том числе и осмысленные и апробированные идеи феминизма и гендерного равенства.

Более того, подчеркнем еще раз, гендерно равноправные достижения, основанные не на ментальном понимании, а на формальном, имеют большие шансы в одночасье быть утерянными.

С одной стороны, увеличение количества женщин в политике каким бы то ни было любым способом, заставляет женщин искать свои стратегии деятельности в этой сфере, а с другой — трансформировать историческую память о конвенциональных гендерных нормах. Однако сегодня проблема устранения гендерной асимметрии в мировой политике далека от своего разрешения и остается делом следующих десятилетий.

Библиографический список

1. Айвазова, С. Г. (1998). *Русские женщины в лабиринте равноправия*. Москва: РИК Русанова.
2. Баллаева, Е. А. (2008). ЮАР: политика гендерного равенства. В О. А. Воронина (ред.) *Гендерное равенство в современном мире: роль национальных механизмов* (с. 572–578). Москва: МАКС-Пресс.
3. Гидденс, Э. (1999). *Социология*. Москва: Эдиториал-УРСС.
4. Даль, Р. (2000). *О демократии*. Москва: Аспект Пресс.
5. Лейпхарт, А. (1995). Конституционные альтернативы для новых демократий. *Политические исследования (ПОЛИС)*, 2, 136–146.
6. Овчарова, О. Г. (2008). *Гендерная асимметрия политики: неинституциональные и институциональные аспекты*: автореф. дис... д-ра полит. наук. Саратов.
7. Овчарова, О. Г. (2011). Преодоление институциональных ограничений гендерного равенства: трансформация исторической памяти. В С. В. Патрушев (ред.) *Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка* (с. 244–260). Москва: РАПН: РОССПЭН.

8. Прокопенко, Л. Я. (2013). Представительство женщин в органах власти (опыт стран южноафриканского региона). *Женщина в российском обществе*, 3, 40–50.
9. Дуткевич, П. (ред.), Саква, Р. (2014). Иван Крастев беседует с Ричардом Саквой «Становится все проблематичнее предсказать будущее демократии, глядя лишь в ее прошлое». *22 идеи о том, как устроить мир: Беседы с выдающимися учеными*. Москва: Издательство Московского университета.
10. Репина, Л. П. (ред.) (2003). *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени*. Москва: «Кругъ».
11. Тикнер, Дж. Энн, Польшванн, Д. И. (ред.) (2006). *Мировая политика с гендерных позиций. Проблемы и подходы эпохи, наступившей после «холодной войны»*. Москва: Культурная революция.
12. Чилкот, Р. Х. (2001). *Теории сравнительной политологии*. Москва: ИНФРА-М; Весь мир.
13. Ховард, К. (2015). Самые влиятельные женщины мира — 2015: рейтинг Forbes. Режим доступа: <http://www.forbes.ru/forbes-woman-photogallery/karera/289729-cameyevliyatelnye-zhenshchiny-mira-2015-reiting-forbes/photo/1>
14. Шестопа, Е. Б. (2000). *Психологический профиль российской политики 1990-х*. Москва: РОССПЭН.
15. Яковлева, Н. М. (2011). Феномен женского лидерства в странах Латино-Карибской Америки. Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=87835>
16. 14 марта открывается сессия Комиссии ООН по положению женщин. Режим доступа: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/2016/03/14>
17. Gender Inequality Index. (2015). Retrieved from: <http://hdr.undp.org/en/composite/GII>
18. Global Gender Gap Index Results in 2015. Retrieved from: <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2015/the-global-gender-gap-index-results-in-2015/>
19. SADC Gender Protocol. (2012). Barometr. Johannesburg. Retrieved from: <http://allafrica.com/stories/201208070748.html>
20. Women in National Parliaments. (2016). Retrieved from: <http://www.ipu.org/wmn-e/classif.htm>

Статья поступила в редакцию 20.02.2016.

.....

GENDER ASYMMETRY OF POLITICS: CHANGES IN THE GLOBAL CONFIGURATION

Ovcharova O. G.

Ovcharova Ol'ga Gennadievna,
Russian State Specialized Academy of Arts,
121165, Russia, Moscow, Rezervniy pr. 12;
Russian State University for the Humanities, 125993, Russia, Moscow, Miusskaya sq. 6.
E-mail: ovcharovao@ya.ru

The article examines the phenomenon of gender asymmetry policy on a global scale. Determined methodological significance of the various meanings of the definition of «gender asymmetry»: asymmetry as uneven number of men and women in political decision-making; the asymmetry of the difference of institutional capacity, contributing to the promotion of

men and women in politics; asymmetry as the unequal evaluation of the results of the values of the political activities of men and women based on tradition. It is proved that the sharp increase in the number of women in the parliaments of several countries of the world due to the implementation of measures of positive discrimination, is not unequivocal evidence of real influence of women in political processes and increase the level of democratization in the country. However, it is shown (on the basis of world rankings — IPU, GGG, GII) that the quantitative indicators of gender asymmetry policies affect the political assessment of the country is not always objective.

Key words: gender asymmetry of politics, political representation of women in parliaments around the world, traditional gender norms.

References

1. Aivazova, S. G. (1998). *Russkie zhenshchiny v labirinte ravnopraviia* [Russian women in the labyrinth of equality]. Moskva: RIK Rusanova.
2. Ballaeva, E. A. (2008). JuAR: politika gendernogo ravenstva. [Republic of South Africa: policy of gender equality]. V: O. A. Voronina (ed.) *Gendernoe ravenstvo v sovremennom mire: rol' nacional'nyh mekhanizmov* [Gender equality in the modern world: role of national mechanisms] (p. 572–578). Moskva: MAKSPress.
3. Giddens, Je. (1999). *Sociologija* [Sociology]. Moskva: Editorial URSS.
4. Dal', R. (2000). *O demokratii* [About democracy]. Moskva: Aspekt Press.
5. Lejphart, A. (1995). Konstitucionnye al'ternativy dlja novyh demokratij [Constitutional alternatives of new democracies]. *Politicheskie issledovanija. Polis* [Political Studies. Polis], 2, 136–146.
6. Ovcharova, O. G. (2008). *Gendernaja asimmetrija politiki: neinstitucional'nye i institucional'nye aspekty*: avtorefer. diss... d-ra polit. nauk [Gender asymmetry of politics: non-institutional and institutional aspects: the extract from the Doctor of Science dissertation]. Saratov.
7. Ovcharova, O. G. (2011). Preodolenie institutsional'nykh ogranichenii gendernogo ravenstva: transformatsiia istoricheskoi pamiati [Overcoming institutional limitations of gender quality: changing of historical memory]. V: S. V. Patrushev (ed.) *Grazhdane i politicheskie praktiki v sovremennoi Rossii: Vosproizvodstvo i transformatsiia institutsional'nogo poriadka* [Citizens and political practices in modern Russia: the reproduction and transformation of the institutional order] (p. 244–260). Moskva: RAPN, ROSSPJeN.
8. Prokopenko, L. Ia. (2013). Predstavitel'stvo zhenshin v organah vlasti (opyt stran juzhnoafrikanskogo regiona) [Representation of women in authorities (experience of the countries of the South African region)]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* [The woman in the Russian society], 3, 40–50.
9. Dutkevich, P. (red.), Sakva, R. (2014). Ivan Krastev besuet s Richardom Sakvoj "Stanovitsja vse problematichnee predskazat' budushhee demokratii, gljadja lish' v ee proshloe" [Ivan Krastev talks to Richard Sakva "Becomes more problematic to predict future of democracy, looking only in her past"]. *22 idei o tom, kak ustroit' mir: Besedy s vydajushhimisja uchenymi* [22 ideas how to arrange the world: Conversations with outstanding scientists]. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

10. Repina, L. P. (red.). (2003). *Obrazy proshlogo i kollektivnaja identichnost' v Evrope do nachala Novogo vremeni* [Images of the past and collective identity in Europe prior to the beginning of Modern times]. Moskva: "Krug#".
11. Tikner, Dzh. Jenn, Polyvjannyj, D. I. (red.) (2006). *Mirovaja politika s gendernyh pozicij. Problemy i podhody jepohi, nastupivshej posle "holodnoj vojny"* [World politics from gender positions. Problems and approaches of the era which has come after "cold war"]. Moskva: Kul'turnaja revoljucija.
12. Chilkot, R. H. (2001). *Teorii sravnitel'noj politologii* [Theories of comparative political science]. Moskva: INFRA-M; Ves' mir.
13. Hovard, K. (2015). Samye vlijatel'nye zhenshhiny mira — 2015: rejting Forbes [The Worlds 100 Most Powerful Women — 2015]. Retrieved from: <http://www.forbes.ru/forbes-woman-photogallery/karera/289729-camye-vliyatelnye-zhenshchiny-mira-2015-reiting-forbes/photo/1>
14. Shestopal, E. B. (2000). *Psihologicheskij profil' rossijskoj politiki 1990-h* [Psychological profile of the Russian policy of the 1990th]. Moskva: ROSSPJeN.
15. Jakovleva, N. M. (2011). Fenomen zhenskogo liderstva v stranah Latino-Karibskoj Ameriki [Phenomenon of female leadership in the countries of Latino-Karibsky America]. Retrieved from: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=87835>
16. 14 marta otkryvaetsja sessija Komissii OON po polozheniju zhenshhin. Retrieved from: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/2016/03/14>
17. Gender Inequality Index. (2015). Retrieved from: <http://hdr.undp.org/en/composite/GII>
18. Global Gender Gap Index Results in 2015. Retrieved from: <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2015/the-global-gender-gap-index-results-in-2015/>
19. SADC Gender Protocol. (2012). Barometr. Johannesburg. Retrieved from: <http://allafrica.com/stories/201208070748.html>
20. Women in National Parliaments. (2016). Retrieved from: <http://www.ipu.org/wmn-e/classif.htm>